

Ростовская СТАРИНА

Выпуск № 18 (187)

Декабрь, 2021

Газета

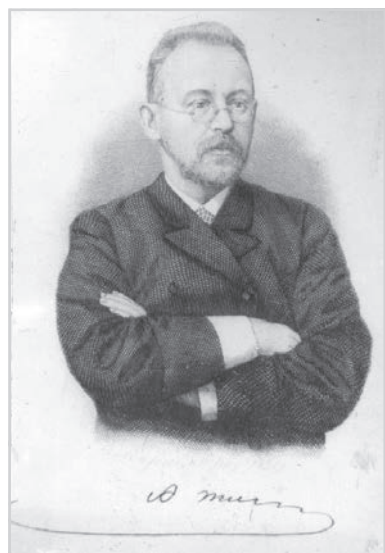
Государственного

музея-заповедника

«Ростовский кремль»

К 150-летию Государственного Исторического музея

А. А. Титов и главный музей России

«...» Многоуважаемый Василий Егорович.

Несколько раз я имел честь беседовать с Вами о будущей судьбе Московского исторического музея. Часто в этих беседах мы задавались вопросом: не наступило ли уже время наполнять его коллекции? Не пора ли к этому чрезвычайно важному и полезному делу пригласить русских людей, — и, преимущественно, *кого именно* пригласить?

Мне думалось, да и теперь думается, что время к тому уже наступило, и что в данном случае следует обратиться не только к знатокам и любителям древностей, но и к *случайным* владельцам их. Быть может, последние будут даже полезнее первых? В этом отношении я придерживаюсь той почти неоспоримой мысли, что *знатоку и любителю* всегда гораздо тяжелее расстаться с тем или другим, пригодным для музея, историческим памятником, в чем бы он не заключался, чем *случайному* собственнику такого предмета. Первый, так сказать, сжился и сроднился с ним, а потому и дорожит им чрезвычайно и с трудом выпустит его из своих рук, — между тем, как второй *случайный* собственник, не имеющий своей коллекции, своего маленького музея, охотно расстанется с предметами, которые могут оказаться для него самого не важными, а для музея очень пригодными и ценными.

Говоря это, я далек от мысли, что между любителями и знатоками древностей не явятся жертвователи для музея: без сомнения, и они окажут свои посильные услуги и, быть может, даже очень щедро — ценными коллекциями. Но, как бы то ни было, вернее рассчитывать на одиночные пожертвования, общая масса коих, систематически расположенная в залах музея, может обогатить его легко и без особенных материальных затрат; в противном же случае залы музея еще долгое и очень долгое время могут оказаться пустыми!

Такое явление было бы чрезвычайно прискорбно и тяжело в глазах каждого истинно русского человека, который, примиряясь с требованиями нового времени и уважая их, не должен, однако, забывать и о том, в чем выражалась давно прошедшая умственная, художественная и общественная жизнь нашего горячо любимого Отечества, для чего Московский исторический музей и должен явиться надежным хранилищем.

Высокая мысль основателей этого музея, т. е. мысль дать возможность

в Ростовском филиале Государственного архива Ярославской области хранится удивительный документ, отсылающий нас ко времени последнего этапа строительства Исторического музея на Красной площади в Москве и подготовки его открытия для публики в мае 1883 года. Это год и рождения музея в Ростовском кремле, торжественно открытого осенью в воссозданных стенах древней Белой палаты. Оба этих обстоятельства — рождение двух музеев — были тесно друг с другом переплетены. Ростовский купец и археолог Андрей Александрович Титов был тем человеком, который протянул этот музейный мостик из Москвы в Ростов Великий.

В письмах ярославского поэта Л. Н. Трефолева А. А. Титову отыскался черновик письма, принадлежащий руке первого и с правой второго, адресованный на имя «многоуважаемого Василия Егоровича». Из приписки в начале документа становится ясно, что на Трефолева была возложена Титовым миссия редактора — явления нередкого в пору их тесной дружбы и вступления ростовца в мир «литераторов-обывателей». «Андрюша! Письмо твое написано настолько толково, что не требует и поправок. Однако, на всякий случай, с удовольствием исполняю твое желание...».

Адресат письма также безошибочно узнается, лишь только вы погружаетесь в прочтение послания. Это — Василий Егорович Румянцев (1822–1897), известный ученый-археолог, член комиссии по созданию Исторического музея, в которую, помимо ее председателя графа А. С. Уварова, входили историки Д. И. Иловайский, В. О. Ключевский, С. М. Соловьев, И. Е. Забелин. В. Е. Румянцев был одним из видных деятелей Московского археологического общества (МАО), созданного и возглавляемого А. С. Уваровым, где был его правой рукой, руководил Комиссией по сохранению древних памятников.

Со всеми этими выдающимися деятелями отечественной исторической науки начинающий историк и будущий создатель Ростовского музея А. А. Титов уже был тесно знаком и активно общался во время московских встреч и по переписке. Впервые о незаурядном ростовском купце и пытливом любителе древностей графа А. С. Уваров узнал летом 1878 года, а уже через полтора года, в феврале 1880-го, по предложению самого председателя Титов был избран членом МАО. На заседаниях общества происходило становление А. А. Титова как археолога — деятеля

русскому народу знакомится с памятниками старины, изучать их и, смею сказать, воспитывать на них молодое поколение, заимствуя из старины все оригинально-русское, родное, отечественное, — такая высокая и светлая мысль (повторяю) может осуществляться вполне не иначе, как указанным выше путем содействия благому делу со стороны всей Русской земли, всех ее великих и малых сынов! Московский исторический музей должен составиться из общих лепт: тогда и лепты превратятся в сокровища! Стоит только, мне думается, кликнуть громкий клич по всему лицу нашей Земли, — и памятники исторические стяннутся в Москву, украсив ее музей.

Время же к исполнению его теперь самое удобное. Час уже наступил. Время не ждет, и оно (смею думать) вдвойне приспело.

Наше молодое поколение вносит в русскую жизнь гораздо более заграничных, нежели отечественных веяний, вкусов и понятий. Конечно, многоуважаемый Василий Егорович, я далек от смешной мысли видеть в Историческом музее какой-то громоотвод от иностранного влияния на молодое наше поколение; но едва ли я ошибусь, заметив, что тот же музей будет одною из притягательных сил для молодежи, все-таки страстно любящей Отечество, что бы ни говорили ее противники! Потрудитесь в своем воззвании на пользу музея обратиться к учащейся молодежи: и она соберет «с миру по нитке», — и будет «все то благо, все добро!» Дальше я еще постараюсь развить эту мысль; а теперь

с широким историческим кругозором, благородными целями и каждодневными задачами, направленными на сохранение и изучение родной истории. Это было время зримого воплощения общей мечты — строительства национального музея, призванного «служить наглядной историей главных эпох русского государства».

И первые мысли А. А. Титова, основанные на «уроках» А. С. Уварова «о священной обязанности каждого охранять всеми мерами древние памятники родной старины», были о Ростовском кремле, до того целые десятилетия стоявшего в неприглядных руинах... И о нем — Московском историческом музее...

Судя по ответу В. Е. Румянцева, обнаруженному в его письмах к А. А. Титову в ГАЯО, публикуемая корреспонденция датируется началом 1882 года. 24 февраля он писал Андрею Александровичу: «Граф А. С. Уваров с большим сочувствием относится к Вашим заботам о Белой палате...». И далее: «Граф Уваров очень занят теперь осуществлением Ваших предложений об Историческом музее, изложенных в письме на мое имя, и предполагает испросить на приведение их в исполнение Высочайшее соизволение, что необходимо».

Две инициативы «местного археолога» сплелись в одном порыве — горячее желание видеть Белую палату Ростовского кремля восстановленной и столь же огромное желание содействия созданию Исторического музея «из общих лепт». «Стоит только, мне думается, кликнуть громкий клич по всему лицу нашей Земли, — и памятники исторические стяннутся в Москву, украсив ее музей». Об этом были «предложения» А. А. Титова, адресованные его старшим московским товарищам. Изложенные ярко, эмоционально и убедительно, они формулировали платформу, на которой Исторический музей действительно становился общенациональным достоянием.

Как видим, цель А. А. Титова была достигнута: граф А. С. Уваров воспринял его идеи и хлопотал об их продвижении. Думается, и для самого А. А. Титова его своевременные «предложения» явились своего рода озарением. Не тогда ли впервые его посетила мысль о создании музея — своего, местного? Уже вскоре он сможет воплотить ее в жизнь, создав со своим другом И. А. Шляковым в возрожденной Белой палате Ростовский музей церковных древностей.

Ярослав Смирнов

имущественно нуждается?

Записку эту следовало бы напечатать в возможно большем количестве экземпляров, дабы она (помимо напечатания ее в периодических изданиях) явилась если не повсеместно, то, по крайней мере, в следующих намеченных мною учреждениях, а именно:

1) Во всех земских и городских управах. (Почти в каждой из них найдется кто-либо из членов, способных и могущих помочь хорошему делу так или иначе, т. е. нравственно или материально.)

2) Во всех статистических комитетах и местных историко-этнографических музеях. (Почти у каждого из них хранятся те или другие исторические памятники. Мне могут возразить: «эти памятники имеют ценность и для своего края, а потому с ними едва ли расстанутся губернские статистические комитеты и музеи». Возражение, до известной степени, основательное. Однако не следует опускать из виду, что некоторые из упомянутых хранилищ древностей располагают дубликатами; притом же в них встречаются зачастую такие предметы, которые попали туда случайно и не имеют вовсе исключительного местного значения, относясь к русским историческим редкостям вообще, а отнюдь не к местным; следовательно, эти предметы наиболее пригодны занять подобающее им место в Московском музее. Последний, конечно, не захочет (да и не в праве) притануть к себе решительно все исторические памятники из русских областей и губерний. Вполне будет достаточно, если области

и губернии поступят, ради Москвы, избытками своих исторических редкостей и богатств, т. е. уступят ему не всё, а только часть).

Далее следует обратиться непосредственно к высшим и средним учебным заведениям, пригласив к жертвованиям как учащихся, так и учащихся. (Право, мне думается, что о последних в особенности забывать не следует, потому что студент или гимназист, как человек более или менее развитой, сумеет оценить историческую достопамятность, если она даже случайно ему попадет в городе или усадьбе, и направит ее в Московский музей. Что же касается учебного начальства, то за примерами, многоуважаемый Василий Егорович, я не буду ходить далеко: в нашем Ярославском Демидовском лицее хранятся некоторые остатки от одежды великого нашего поэта Пушкина — в момент его дуэли или смерти, не помню хорошенько; но знаю точно, что они хранятся вместе с целым «делом», возникшим по поводу жертвы Демидовскому лицезу этих пушкинских «памятников». У нас в Ярославле (до тех пор, пока в нем не возникнет свой музей) подобные редкости не имеют уважительного права существования; а в Московском музее тот же остаток костюма Пушкина, пожертвованный Лицею чрез покойного Владимира Ивановича Дала, имел бы право найти для себя место... А подобных примеров, вероятно, найдется множество!)

Затем я признаю полезным обратиться к духовенству (белому и монашескому), а также к волостным правлениям. Под духовенством я разумею и старообрядческое иночество и священство. Как они сами, так и духовная их паства, могут оказать, если захотят, значительные услуги Московскому музею по отделам древних книг и рукописей. Старообрядцы и православные, все равно, дети великого Русского государства; в деле научном, в деле сохранения исторических памятников между ними едва ли возникнет разлад. Необходимо разъяснить кратко, но толково, что пожертвования собираются во имя покойного основателя музея, приснопамятного царя-мученика, которого любила вся славянская Русь, независимо от религиозных верований и учений. Народ тогда протянет музею свою могучую руку! Это несомненно. Говорю так по собственному, хотя и скромному опыту, — как собиратель древностей: мне часто случалось находить в крестьянских избах рукописи, составляющие лучшее украшение моего «соборания». Светлый образ покойного монарха привлечет к музею жертвователей из среды народной, и в память о царь-освободителе народ послужит верой и правдой Московскому всероссийскому музею!

Мне было бы желательно, многоуважаемый Василий Егорович, если бы Вы взяли на себя труд подробно развить мои мысли, намеченные в этом письме, и доложить о нем Московскому археологическому обществу, чрез которое должно идти все это дело, по моему мнению, не терпящее отлагательства.

Примите уверение в моем глубоким уважении и преданности. «...»

РФ ГАЯО. Ф. 338. Оп. 1. Д. 2. Л. 138–139 об.

«Райгород». Ростовские фотографии Ильи Гольберга начала 1960-х годов

Райгород, райцентр — так обычно в советскую эпоху называли небольшие районные городки, некогда уездные центры провинциальной России, каковых на просторах бывшего Советского Союза были тысячи. Каждый со своим лицом — историей и историей, людьми, их повседневными заботами и переживаниями, радостями и горестями — укладом. Здесь протекала своя неспешная жизнь, иногда сменяемая ритмом внезапных всплесков — событий местного или государственного разлива, волны которого неизбежно докатывались сюда, откликаясь малозаметными или судьбоносными поворотами и переменами на местной почве. Это новое в целом становилось плотью народной жизни в провинции.

Райгород — это имя, псевдоним Ростова Великого в «Древенском дневнике» (1958) Ефима Дороша, знаменитого в советское время литератора, избравшего для своего творчества «деревенскую тему» и тему жизни простого человека в провинциальной России, в райцентре. Для этого он, по выражению академика Д. С. Лихачева, воспитал в себе «писательскую оседлость».

Как замечал Дмитрий Сергеевич, «Дорош осуществил то, что решил. Он выбрал себе древний край русского земледелия — место под Ростовом Великим, и не только постоянно наезжал туда, но и подолгу жил там — все в одном селе и рядом, в Ростове. <...> Он не писал понаслышке о том, что знал недостаточно хорошо. Он не был туристом или человеком, приехавшим в деревню по командировке. Деревня около Райгорода была для него постоянным местом жительства и стала родиной.

Тысячелетнее прошлое тех мест, где он жил, было для него символом постоянства жизни. Главный вопрос для него состоит не только в том — как было, но и в том, как это прошлое живет сейчас, как оно отражается в современности, как его изучают, берегут, понимают».

Илья Гольберг — сын Ефима Дороша. С юных лет он присоединился к отцу в его открытиях Ростова, который стал ему родным, а все персонажи писательского «дневника» — родными и близкими людьми. Один из них — Владимир Сергеевич Баниге, выдающийся архитектор-реставратор, спасший Ростовский кремль после разрушительного урагана 1953 года. Дорош и Гольберг

дружили с Баниге, нередко останавливались в его кремлевском жилище — круглой садовой башне. На глазах отца и сына, на фоне ростовской обыденности и будней, в течение «баниговского» десятилетия происходило чудо — возрождение жемчужины русского средневекового зодчества. Увидеть величественный архитектурный ансамбль и его преображение Дорош привозил в Ростов французских писателей Жана-Поля Сартра и Симону де Бовуар, — во время отдыха обедали в «Башне Баниге» блюдами, приготовленными

десятилетия огласивших кремлевскую округу в марте 1963 года. Непосредственными свидетелями и участниками этого неслыханного по советским временам события в Ростове стали Дорош и Гольберг. Снимки последнего старых звонарей за работой — огромная по ценности документальная находка уже нашего времени!

Страсть всей жизни радиофизика Ильи Гольберга — фотография. Подобно отцу, запечатлевшему «Райгород» — Ростов Великий на страницах своих произведений, Илья Ефимович открыл

дие, в середине XX столетия.

Серия снимков Ростовского кремля, появление которых благословил В. С. Баниге, однажды доверивший молодому фотографу (и его школьному товарищу — Гелию Земцову) связку ключей от потайных кремлевских ходов и верхов, в 1967 году украсила одноименный фотоальбом. Предисловие к нему написал Е. Я. Дорош. Это была своеобразная дань дружбе и желание поделиться со всем миром чувствами удивления и восхищения перед мощью человеческого духа и доброго таланта.

И.Е. Гольберг. Автопортрет. 1955 г.

И.Е. Гольберг. Автопортрет. Современное фото

супругой Ефима Яковлевича. Немало Дорош и Баниге способствовали и осуществлению записи знаменитых ростовских звонов (Дорош, по свидетельству Гольберга, предвзительно давал разъяснения в идеологическом отделе ЦК КПСС), впервые за дол-

свой способ фиксации жизни, ее простых или незаурядных проявлений — фотолетопись. Десятки сохранившихся фотографий Ростова и Ростовского кремля рисуют древний город и его главное достояние, бесценное национальное историко-культурное насле-

Об этом Ефим Яковлевич прямо писал: «О моем друге Владимире Сергеевиче, обитающем в одной из кремлевских башен, будет еще немало написано. Человек большой культуры, незаурядных технических знаний, смелого воображения, абсолютного художественного вкуса и подлинной самоотверженности, Владимир Сергеевич с небольшим числом помощников проделал за эти годы работу, какой достало бы целому научно-исследовательскому учреждению».

Съемка в Ростовском кремле для задуманного альбома проводилась летом 1962 года. По воспоминаниям Ильи Ефимовича, вначале появился домашний фотоальбом на скрепке, с которым отец и отправился в издательство «Советский художник». Время было благосклонно: хрущевская оттепель открыла многие шлюзы, не противилось оно и любованию церковной стариной, и издание альбома поставили в план. Не расставался Гольберг с фотоаппаратом и в марте 1963 года — в момент подготовки к записи киностудией «Мосфильм»

ростовских звонов. Тогда все внимание к себе приковывали старики-звонари, ставшие, наряду с самими звонами, сенсацией ростовских будней.

Одновременно была отснята и серия цветных фотографий Ростовского кремля, блиставшего в лучах морозного солнца. Собственно Ростов Гольберг снимал всегда, в разные годы и периоды, когда жил здесь, останавливаясь в доме своих добрых знакомых Птичниковых на улице Энгельса. Особенно завораживал деревянный город — он был таким во всей здешней округе. Общее число сохранившихся и переданных автором в музей «Ростовский кремль» фотографий 1950-х — начала 1960-х годов — порядка 150.

Всматриваясь в сюжеты иных снимков Ильи Гольберга, с очевидностью убеждаешься, что они служат прямой иллюстрацией к повествованию Ефима Дороша. Ну, или наоборот. Ведь любовь к районному городу с вековым наследием была общей — семейной.

В альбоме «Ростовский кремль» Дорош писал: «Иногда мне случается подняться на одну из башен кремля, откуда далеко видно вокруг. Внизу, с белеющими посреди зелени мостовыми, весь в прямоугольниках крыш, лежит город, центр которого, включающий в себя и кремль, обнесен крепостным валом звездчатого рисунка. Дымят высокие и тонкие трубы льнопрядильной фабрики, кофейной, паточного завода... Озеро плещется у городского берега, где из воды торчат столбики причалов с привязанными к ним темнеющими на воде лодками. Поодаль, ближе к Яковлевскому монастырю, который стоит на мысу, сушатся над водой на вбитых в дно кольях чуть розовые сети. По временам, с высоким, слегка надтреснутым, звенящим звуком, постепенно зати-

хающим, проносятся по озеру задравшие нос моторки. Поля проступают в синеватой дымке на том берегу, между селами...».

Для сегодняшнего зрителя отображенная в фотографиях И. Е. Гольберга райцентровская реальность — уже далекая история. Здесь было свое «постоянство жизни», над которым так проникновенно размышлял писатель Е. Я. Дорош (и в этом смысле Ростову повезло!), и которое в наше время становится новым объектом исторических исследований. Профессор А. А. Севастьянова, известный специалист по истории русской провинции, в своей книге «Жизнь в центре рая» (М., 2008), посвященной рязанской глубинке, высвечивает общую проблему: «История провинциального микромира в середине XX века в российско-советской действительности — это очевидная лакуна». И точно указывает в этой связи на дефицит в документальном подспорье, почти отсутствие исторического источника, каковой бы «должен достоверно повествовать о том, что же было в те, сравнительно недавние годы и десятилетия в нестоличной, райцентровской России».

Фотографии Ильи Гольберга — удивительный фотодокумент, по которому можно изучать давно исчезнувшую эпоху райцентров. Здесь свой микромир, ритмы повседневности, обаяние времени и фактов. Его фотографии — прекрасный исторический источник — невыдуманный фототекст, благодаря которому открывается образ древнего города в советскую эпоху, нравственный подвиг спасения нашего общего наследия — Ростовского кремля. Как не раз демонстрировала история — наследия очень хрупкого.

Ярослав Смирнов

И.Е. Гольберг — фотолетописец. На звоннице Ростовского кремля. Фото В.А. Десятникова. Март 1963 г.

Конюшенный двор Ростовского кремля в царствование Николая I

В Государственном архиве Ярославской области, в фонде губернской строительной и дорожной комиссии, хранится план, озаглавленный как «Планы и фасад на перестройку бывшего архиерейского конюшенного дома для нужных полковых заведений в городе Ростове» (ГАЯО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 1213а. Л. 2).

Вернее, не подлинный план, а его копия. Но примерно того же времени, что и оригинал, составленный 12 ноября 1832 г. Полгода спустя, 5 мая 1833 г., проект рассматривался в первой и одновременно высшей инстанции — самим государем императором Николаем Павловичем, о чем гласит соответствующая надпись за подписанием управделами Комитета министров, барона Модеста Корфа.

Случай, когда император лично занимался рассмотрением чертежей на постройку в одном из уездных городов, вовсе не был чем-то исключительным. Наоборот: это было правилом. Николай I, изначально третий в очереди на наследование престола, с детства питал склонность к инженерным наукам. Приняв бразды правления, он взвалил на свои плечи личное согласование проектов всех построек и перестроек, производившихся в его обширной империи. «Всех» — значит буквально всех. Ежедневно через руки императора, где бы он ни находился (даже за границей!), проходили десятки, если не сотни самых разных проектов, присылаемых со всех концов страны. Здесь были и планы на возведение огромных дворцов и особняков, и проекты на перекрытие крыши на деревянном флигеле в каком-нибудь заштатном городе. Одобрение или неодобрение было устным, затем кто-то из канцелярских служащих делал соответствующую надпись, с указанием даты и места утверждения (Царское Село, бивуаки при Гвардейском корпусе у дер. Подгорное Пулково, пароход «Невка» на Кронштадтском рейде и т.п.) под которой ставил свою размашистую подпись главноуправляющий путями сообщения и публичными зданиями: сперва — Карл Федорович Толь, а затем — Петр Андреевич Клейнмихель (помните у Некрасова в начале «Железной дороги»: «Папаша! кто строил эту дорогу? <...> Граф Петр Андреевич Клейнмихель, душенька!»).

Получив Высочайшее одобрение в мае 1833 г., оригинал проекта остался, вероятно, в делах императорской канцелярии или Комитета министров. Снятая же с него копия не спеша пошла дальше по инстанции: в январе 1835 г. она рассматривалась в Комиссии проектов и смет Kleinmihel'sкого ведомства, а затем была отправлена в Ярославль — возле имеющейся на нем подписи губернского архитектора П. Я. Панькова (талантливый самоучка из рядовых ростовских посадских) стоит дата «1835 года декабря 2 дня».

Итак, на согласование чертежей ушло более 3 лет. Сама перестройка двора заняла 2 года, но и здесь не все прошло гладко: последняя помета на нашем плане гласит: «1837-го года августа 4-го дня, по сему проекту освидетельствование оконченной работы производил и нашел многие повреждения. Корпуса инженеров путей сообщения генерал-майор Матушевич». Таким образом,

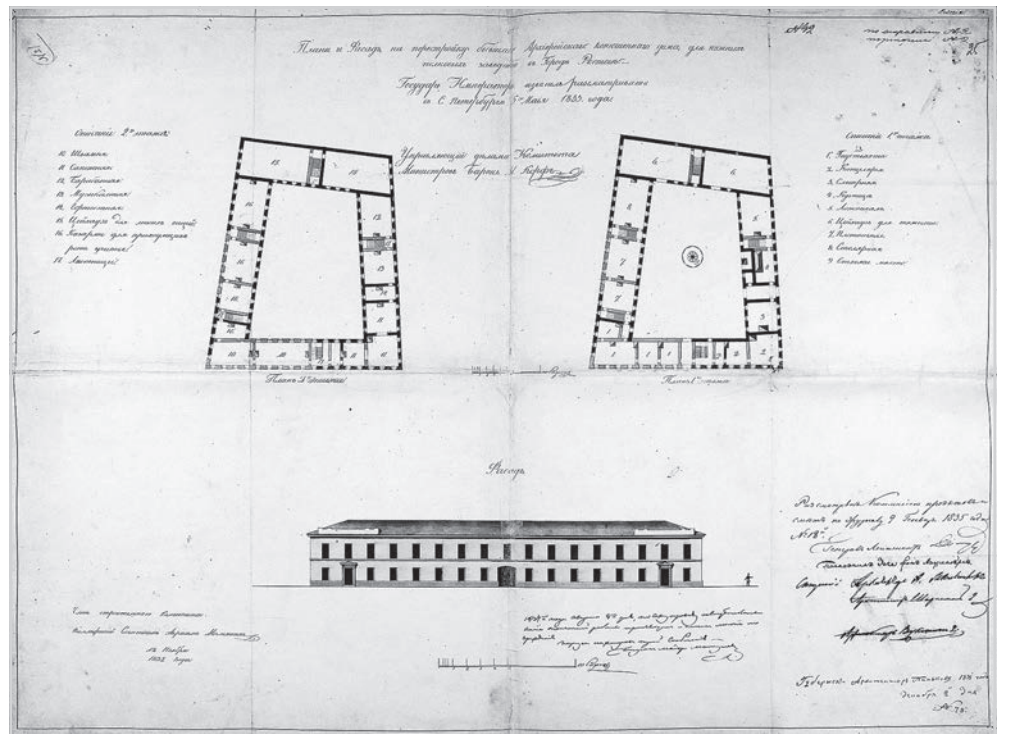
работы на Конюшенном дворе уже тогда были проведены некачественно, и его будущее постепенное разрушение было заложено еще в первой половине XIX века!

Автором проекта был и.о. ректора Императорской академии художеств, профессор 1-й степени Авраам Иванович Мельников. На Ярославской земле по его чертежам было построено несколько зданий: в Рыбинске — Спасо-Преображенский собор и Крестовоздвиженская церковь, в Ярославле — собор Казанского монастыря с колокольней, колокольня Успенского кафедрального собора и здание Демидовского юридического лицея (перестройка). Из них до нашего времени сохранились только ярославский монастырский и рыбинский городские соборы. Ну и, в каком-то смысле — Конюшенный двор.

Излюбленный стиль Мельникова — ампи́р. Этот термин заимствован из французского языка, его можно перевести как «имперский». Основным источником вдохновения здесь служили постройки Древнего Рима — так, как их тогда представляли. Особую популярность ампи́р снискал во Французской империи Наполеона, которая, как когда-то и Римская империя, трансформировалась из республики и стремительно расширила свою сферу влияния практически на всю территорию Европы. После победы над Наполеоном ампи́р стал своеобразным трофеем Российской империи, которая уже сама имела полное право сравнивать себя с могущественным Римом. В строительстве обычных жилых домов этот стиль у нас как-то не прижился. Зато его особенно любило военное ведомство; в ампи́ре было выстроено огромное количество зданий по всей империи, начиная от Главного штаба на Дворцовой площади в Петербурге, и заканчивая многочисленными казармами, эскерциргаузами и гауптвахтами в уездных городах.

Одним из таких зданий и стал Конюшенный двор в Ростове. После того, как Ростовские епископы «переехали» в Ярославль (1786), их ростовский «дворец», требующий постоянного дорогостоящего содержания, стал неуклонно приходить в упадок. Государство же, в собственность которого перешел архиерейский дом, испытывало постоянную нехватку помещений для квартирования частей своей огромной армии. Именно при Николае I было начато масштабное строительство казарм, которое было призвано избавить города от невыносимой квартирной повинности, когда солдат и офицеров местного гарнизона принудительно селили в домах простых граждан. Ремонт и приспособление для военных нужд огромного комплекса кремля казна «не потянула» бы, а вот переделат стоящие рядом с ним бывшие епископские конюшни казалась уже более реалистичной задачей.

Обозначение стен и перегородок на нашем

плане выполнено в двух красках: черной отмечены существующие конструкции, красной — предполагающиеся к возведению. Помимо прочего, была вновь выстроена с нуля часть внешней стены со стороны кремля, а также многострадальный северный угол здания, которого и тогда уже не существовало, и который потом снова разрушился в первую очередь.

Первый этаж выходящего на Каменный мост крыла был предназначен для гауптвахты и полковой канцелярии, второй — для швальни (портняжной мастерской) и сапожной мастерской. В крыле к валу внизу находились мастерские слесарей, кузнецов и ложников (оружейников), вверху — барабанщики, музыканты и горнисты. В крыле к озеру были цейхгаузы, а в крыле к кремлю — плотничная и столярная мастерские, а над ними — казармы для учебных рот. Довершал всю картину круглый домик по центру двора — «отхожее» («ретирадное», «нужное») место довольно оригинальной конструкции, напоминающей барaban для револьвера на 8 патронов или общественных туалеты того же Древнего Рима, в которых тоже не было никаких перегородок.

Главный фасад здания мало чем говорил о том, что он выполнен в том же стиле, что и помпезный Главный штаб в столице: из всех украшений на нем имелись лишь два маленьких фронтона над входами на гауптвахту и в канцелярию, да два скучных парапета по краям. Помимо разумной экономии на «архитектурных излишествах» это объясняется еще и тем, что стиль ампи́р в это

время уже сильно деградировал и активно выходил из моды. За год до составления Мельниковым этого проекта, в 1831 г., Н. В. Гоголь писал в своей заметке «Об архитектуре нынешнего времени»: «В начале XIX столетия вдруг распространилась мысль об аттической (древнегреческой, античной). — Д. Ч.) простоте и так же, как обыкновенно бывает, обратилась в моду и отразилась вдруг на всем, начиная с дамских костюмов... узнали искусства более связывать и гармонировать между собою части, но не узнали искусства давать величие всему целому... В огромных же публичных зданиях не считали за нужное ими руководствоваться: они сделались наконец просты до плоскости... И эту архитектуру мы еще недавно тщеславились, как совершенством вкуса, и настроили целые города в ее духе!.. новые города не имеют никакого вида: они так правильны, так гладки, так монотонны, что, пройдя одну улицу, уже чувствуешь скуку и отказываешься от желания заглянуть в другую. Это ряд стен и больше ничего...».

Разумеется, сейчас даже «скучные» для тогдашних современников здания, дошедшие до наших дней, представляют для нас огромную историческую и культурную ценность, а Конюшенный двор, расчищенный от поздних наслоений и поднявшийся из руин, смотрит на нас своим древним самобытным сложным фасадом. Но и о том, как он выглядел в середине своей «жизни», мы можем представить благодаря этому чертежу.

Дмитрий Чекмасов

Старинный оберег Самуилова корпуса

В Самуиловом корпусе Ростовского кремля сегодня полным ходом идет капитальная реставрация. Еще до недавнего времени, пока здание не было закрыто строительными лесами, внимательные туристы могли заметить по центру лицевого фасада, между окнами второго и третьего этажей, прямоугольную из металла с рельефным изображением. Поскольку высота от земли до него примерно 8 м, то невооруженным глазом в лучшем случае можно было рассмотреть в центре таблички городской герб Ростова. И лишь сильное увеличение при помощи оптики позволяло прочитать текст по окружности: «Ростовское городское взаимное страхование» — и внизу цифры: 1876.

Хотя устав городского общества взаимного страхования от огня имущества в Ростове Великом был утвержден 11 ноября 1865 г., то есть одним из первых в России, организационный этап значительно затянулся, и реально общество приступило к работе десятилетие спустя — 1 ноября 1876 г. В том, что общество все-таки состоялось, была большая заслуга местного купца и активного общественного деятеля Андрея Александровича Титова. На первом же общем собрании членов общества 4 октября 1876 года он был избран председателем правления и оставался на этом посту до самой смерти в 1911 году. Третий века он исполнял обязанности главы городского страхового общества!

Табличка выполнена из латуни и относится к первому, самому раннему типу страховых досок, которые выдавались городским обществом взаимного страхования с момента, как оно приступило к работе в 1876 г., и до начала XX в. Впоследствии использовались

лишь овальной формы жестяные таблички с нанесенным на них методом хромолитографии цветным изображением.

Заключение договора страхования и, соответственно, появление страховой доски на Самуиловом корпусе также напрямую связаны с деятельностью А.А. Титова, но уже на другом поприще. Именно он выступил инициатором и главной движущей силой процесса реставрации Ростовского кремля, к тому времени изрядно обветшавшего.

Созданная в начале XVIII в. митрополитом Дмитрием Ростовским грамматическая школа, позднее получившая статус духовного училища, располагалась в тесных кельях Садового корпуса. После перевода архиерейской кафедры из Ростова в Ярославль, училище начало свое странствие по Ярославской епархии. Наконец, в 1874 г. оно возвратилось в первоначальное место, но вновь не получило достойного помещения. При этом митрополиты покои, которые после надстройки

третьим этажом в пору архиерейского Самуила стали называться его именем, через несколько десятилетий оказались заброшенными. Местное духовенство еще в 1850-е гг. выступало с инициативой восстановить дом и передать его на нужды духовного училища и общежития при нем. Однако из-за неимения средств дело застопорилось.

В 1879 г. наконец были собраны необходимые на ремонт здания деньги, свой значительный вклад внесла Ростовская городская дума (5000 руб.). А.А. Титов в тот период был гласным городской думы и председателем уездной земской управы. 29 октября 1880 г. состоялось торжественное освящение восстановленного дома, в котором и разместились Димитриевское духовное училище, получившее название в честь основателя — святителя Димитрия Ростовского.

Вероятно, вскоре после этого и состоялось страхование здания, что подтверждает укрепление на его фасаде страховой таблички.

Поскольку в восстановление дома были вложены средства из городского бюджета, то логично, что договор страхования был заключен не со сторонним акционерным страховщиком, а с местным городским обществом взаимного страхования от огня имущества, во главе которого, как мы уже знаем, стоял А.А. Титов.

О появлении вскоре после 1880 г. страховой таблички на Самуиловом корпусе можно судить по ряду фотодокументов. Поскольку в тот же период по инициативе ростовских купцов А.А. Титова и И.А. Шлякова и под научным наблюдением Императорского Московского археологического общества приступили к восстановлению других зданий Ростовского кремля, то производилась фотофиксация состояния объектов. Сохранились фотографии, сделанные И.Ф. Барщевским. На одной из них, датируемой 1883 г., хотя и под сильным ракурсом, запечатлено Димитриевское духовное училище, а между вторым и третьим этажом по центральной оси здания виднеется темное пятно, которое, несомненно, является известной нам страховой доской.

На более поздних фотографиях и почтовых открытках начала XX в. страховая доска практически не видна. Скорее всего, она была просто закрашена при очередном косметическом ремонте фасада. На фотографии

1953 г., зафиксировавшей разрушения в кремле после смерча, табличка на доме по-прежнему присутствует. О том, что доска никогда не покидала своего места, можно судить по сохранившемуся крепежу. Это очень толстые, вероятно, кованые гвозди. Да и сама табличка выросла в фасад, покрывшись по краям слоем штукатурки.

С началом реставрации Самуилова корпуса в марте 2021 г. страховая табличка впервые покинула свое историческое место — ее сняли реставраторы и передали в руки музейных работников. По окончании реставрации старинная страховая доска вновь займет свое прежнее место.

Дмитрий Суетин

Вновь найденный дневник купца М. И. Морокуева

В научной библиотеке музея под № 45852 хранится «Календарь на 1850 год». При ближайшем рассмотрении предмет оказался не столько печатной книгой, сколько фактически дневником или ежедневником ростовского купца Михаила Ивановича Морокуева (1789–1854).

М. И. Морокуев является наиболее выдающимся представителем этой династии. Один из богатейших людей Ростова, он объявлял капитал по 1-й гильдии. Перейдя в сословие потомственных почетных граждан, служил городским головой в 18-е трехлетие, на которое пришлось первая эпидемия холеры 1830–1831 гг. При нем началось строительство Мытного двора и был заложен городской сад. В 1833 г. М. И. Морокуев основал в Варницкой слободе бумагопрядильную фабрику, которая сгорела в 1838 г., полностью разорив хозяина. Однако Михаил Иванович не опустил руки и занялся сельским хозяйством, создав в Варницах свою, как он сам писал, «экономию».

М. И. Морокуева можно считать одним из первых представителей «просвещенного купечества» в Ростове: с богатством к нему пришла и тяга к коллекционированию. Морокуев владел крупнейшей в городе библиотекой в 1000 томов; коллекцией из 47 ружей, собиравшейся с 1812 г. (она упоминается в записи от 27.09 в рассматриваемом документе); помимо прочего, в его доме имелось 4 картины кисти В. А. Тропинина.

По словам современной исследовательницы Е. И. Крестьяниновой, «...мир увлечений этого

энергичного, незаурядного человека составляли картины, эстампы, медали, книги... Даже досуг его не был праздным — в свободное время он занимался „токарным искусством — как по склонности, так и для движения“».

Любопытно, что про упомянутое «токарное искусство» говорится и в рассматриваемом документе (29.12), а пристрастился к нему Михаил Иванович за 40 лет до этого, в 1810 г. Он писал: «Не знаю и сам, стыдиться или хвалиться следует мне этим занятием? Но пример Петра и Екатерины Великих достаточны для моего оправдания». Позднее и в дневнике его жены будет сделана запись о том, что Михаил Иванович «точил шар для клубка».

Помимо дневника М. И. Морокуев оставил мемуары, опубликованные его внуком племянником А. А. Титовым в 1907 г. в журнале «Русский архив». Собственно, имеющийся в фонде «Архивные документы» комплект «Ростовские купцы Маракуевы» и был сформирован из документов коллекции А. А. Титова — рассматриваемый предмет, по всей видимости, при ее разборе был принят за обычную книгу и направлен в библиотеку.

Как упомянуто выше, писала и вторая жена

Морокуева, Анна Петровна (урожденная Козмина): остался дневник, который она вела в 1852–1853 гг., по стилю наполнения идентичный рассматриваемому документу.

Практически каждый день Морокуева был посвящен трудам: «разбирали картофель в подвале», «кололи дрова» (практически ежедневно), «терли картофель» (практически ежедневно), «возили навоз из города на двор для парников», «готовили картоф. муки для продажи на базаре», «продавали репное семя».

В дневнике М.И. Морокуева, в отличие от дневника его жены, посвященного практически одним домашним занятиями, отражена и общественная жизнь: упоминаются визиты Титовых, Гогиных, Щениковых, Наумовых, Соболевых; помолвка дочери И. А. Титова Любови за М. М. Кайдалова и бал в их доме (09.02 и 15.02), визит великих князей Николая и Михаила Николаевичей в Ростов (06.08), выборы городского головы (10.12), подъем колоколов на Варницкую церковь (24.03 и 26.03), пожары в окрестных селениях и многое другое. Как и большинство остальных записей, даже рождение у автора дочери записано отстраненно-конспективным стилем: «В 7 часов без десяти минут после полудни Анна Петр. разрешилась дочерью Ольгой».

Тем не менее, это только дань стилю. В дневнике есть записи, где прорезается и живой голос автора: то он пылливый натуралист, исследующий

каких-то «букашек» у себя во дворе (04.04), то морализатор, рассуждающий о преходящем богатстве (06.12), то высказывает простую человеческую установку от затянувшейся зимы (03.04). Упоминаются и журналы, которые выписывал Морокуев: «Отечественные записки» (22.01), «Современник» (25.01) и «Труды Вольного экономического общества» (09.02).

Трогательно выглядит запись от 2 декабря: «День памяти доброго моего друга Мир. Андр.— был у обедни и слушал панихиду». Речь идет о первой жене Морокуева, Миропии Андреевне, после пожара на фабрике и разорения семьи не вынесшей удара и вскоре скончавшейся.

В дневнике раскрывается даже история его попадания к Михаилу Ивановичу: он был прислан от сына, учившегося в Москве. В записи от 3 января значится: «Сего числа получил с почты Календарь на 1850 г. от милого Ванечки, а прислан календарь 1-е число».

Таким образом, ценность рассматриваемого предмета как источника по истории повседневности крайне велика, он прекрасно дополнит имеющийся в собрании архивных документов фонд купцов Маракуевых, и, безусловно, требует полной публикации своего текста, как это уже сделано с дневником его супруги Анны Петровны.

Ниже публикуются выдержки из дневника М.И. Морокуева в хронологическом порядке.

Дмитрий Чекмасов

Дневник Михаила Ивановича Морокуева (1850 г.)

3 [января]. Сего числа получил с почты Календарь на 1850 г. от милого Ванечки, а прислан календарь 1-е число.

Табак свой начал курить с 20 декабря и оказался хорош.

22 [января]. Получил 1-ю книжку журнала «Отечественные записки».

25 [января]. Писал А. М. записать мне «Современник».

29 [января]. Получил газеты на 1850 год, 11-ть номеров вдруг, выписанные для меня добрым моим другом и сыном Ив[аном] Мих[айловичем].

9 [февраля]. Были у Титова на поздравление — И.А. помолвил вторую дочь Любовь за М. М. Кайдалова.

Получил 1-ю книжку, «Труды В[ольного] Экономического Общества».

15 [февраля]. Вечером были у Титовых на бал, приехали домой в 1 часу за полночь.

6 [марта]. Ставил пивявок 27 штук.

13 [марта]. Послал в Москву Гольсту 5 р. сер[ебром] на семена для своей экономии.

24 [марта]. В здешнем Варницком приходе купили 2 кокола (sic! — Д.Ч.) — один поменьше ныне подымали.

26 [марта]. У Варниц подымали другой большой колокол, народу было множество.

28 [марта]. В поле дорога хороша, в городе навоз, и езда на санях нехороша.

31 [марта]. Рассаживали резеду в горшки.

3 [апреля]. Видал скворцов на дупле. Скоро будет благодатная весна, природа оживает и воскреснет; как-то отрадно становится на душе, зима утомила.

4 [апреля]. Сего числа заметил около забора на сугробах снегу — в тени, а не на солнце — миллионы каких-то булашек, величиною с блоху, так же черные, но едва ли длиннее блохи, о 8 ног с усиками, они по снегу ползали не очень бойко, и прыгали как блохи, но на короткое

расстояние. Я брал их с кусками снега и клал на солнце, они уходили ли в глубину снега. Также приближал к многим сигару с огнем, и они от жару уходили в снег — по-видимому, их организация требует сильного холода. Как-то давно я читал, что зимой много на снег напало живых булашек, их собирали, доставили Академии наук и требовали ее мнения о причинах появления этих существ. Академия решила, что они занесены ветром, что, конечно, пустяки — мы ещё далеко не изучили законы природы, весь мир есть жизнь, вероятно, она существует всюду, невзирая на холод.

19 [апреля]. В парники посадили: арбузы, дыни, огурцы; посеяли: резеды, табак, салату. Перевели телят из кухни в коровник.

2 [мая]. Продали... 15 ф. цыкория белого 1848 года по 12 к. фунт.

В 12 часов в полночь видали был пожар к Борисуглебу.

12 [мая]. Ездил в город, взял с торгов в с[иротском] суде (Сиротский суд — орган опеки, ведавший распоряжением наследственным имуществом несовершеннолетних лиц. — Д.Ч.). в содержание землю Кекина на лето за 175.

В 7 часов без десяти минут после полудни Анна Петр[овна] разрешилась дочерью Ольгой.

14 [мая]. Крестили новор[ожденную] Ольгу, свящ[енник] Всех Святых Семен, восприемники были Катерина Петр[овна] Шмелева и заочно Иван Мих[айлович] Морокуев.

21 [мая]. В 9 часов утра видел был сильный пожар за озером — в Сельце. После узнал, что сгорело 19 домов и 3 человека людей, обгорела церковь снаружи, и колокола растопились.

3 [июня]. Сегодня все оживилось громом и благодатным дождем — еще такой дождь, и все посеяны могут быть благонадежны.

7 [июля]. Анна Петр[овна] варила варенье вишни на три манера.

10 [июля]. Обирали ягоды: вишню, смородину, малину. Налили 2 бут[ылки] черемуховой наливки. Варили крыжовниковое варенье.

26 [июля]. Обирали огурцы, набрали 1100 и посолили.

5 [августа]. По приглашению [городского] головы в 7 часов ездили в его дом, где и ожидали прибытия великих князей, но до 4 часов утра прождали. Я приехал домой, не дождавшись.

6 [августа]. В 5 часов утра прибыли в Ростов Их Императорские Высочества великие князья Николай Николаевич и Михаил Николаевич, а отправилась по тракту в Ярославль в 6 часов после полудни. Квартира была в доме Хлебникова. Посещали собор и монастыри Яковлевский, Богоявленский и Петровский.

10 [августа]. Продали 1500 огурцов за 2 р.

18 [августа]. Мой милый сын Иван Мих[айлович] в 9 часов вечера выехал в Москву — да благословит его Бог, моего доброго друга.

6 [сентября]. В 10 часов около солнца круг, по бокам полукружия как радуга.

8 [сентября]. Ярославский архиерей Евгений приехал в Ростов и служил обедню в девичьем монастыре, где ныне храмовой праздник. Вече-

ром был в Троицком монастыре.

Ольге привили оспу.

20 [сентября]. Вечером ездили с лучом на Троицкое плесо, убил 6 шук и налима.

23 [сентября]. Прошлую ночь виден был в 1-м часу сильный пожар к стороне Петров[ска] в горах — как после узнал, горело село Зверинец, выгорело 16 дворов, и все сараи и житницы. Там был праздник храмовый.

27 [сентября]. Приехал ко мне Быков, смотрел ружьи.

В ночи на 27-е число был сильный пожар за Пужболы, а с 3 часа заполнил тоже за озером при ужасном ветре.

13 [октября]. Убрали пчел. Ждали тепла, тепла нет. Убрали в самое неудобное для пчел время, зима накрыла неожиданно.

18 [октября]. Очищали морковное семя, а половина работниц мыла белье.

23 [октября]. Рыли цыкорий, который замерз в грядках и засыпан снегом — рыло 22 человека, вырыли 40 гряд в 25 сажен длины, земля замерзла на вершок, а где снегом покрыта густо, там почти тала, косулей выпаживать было нельзя, подкапывали лопатки.

26 [октября]. Получили из думы свидетельство Наумовым на почётное гражданство.

19 [ноября]. Послал Федора в Белогостицы, а Осипа на Лёв (sic. — Д.Ч.) смотреть сена.

2 [декабря]. День памяти доброго моего друга Мир[опии] Андр[еевны] — был у обедни и слушал панихиду.

Был у меня Вас[илий] Сем[енович] Соболев (богатейший купец, Ярославский городской голова в 1830–1832, 1839–1842 и 1851 гг. — Д.Ч.).

6 [декабря]. Ездили поздравлять именинников: брата Ник[олая] Ив[ановича] и Николая Самсон[овича] Наумова. У первого — гостей, гостей — из всех волостей, от разнообразия и количества закуски ломится стол; у последнего красуется графин ерофеича и заливной окунь — а не давно еще время, когда все это было наоборот; прорвался кошелек — и друзей как не бывало. Не знаю, условия ли это света или подлость людей.

9 [декабря]. Послал в Газетную экспедицию в Петерб[ург] деньги на «Труды Вольного экономического общества».

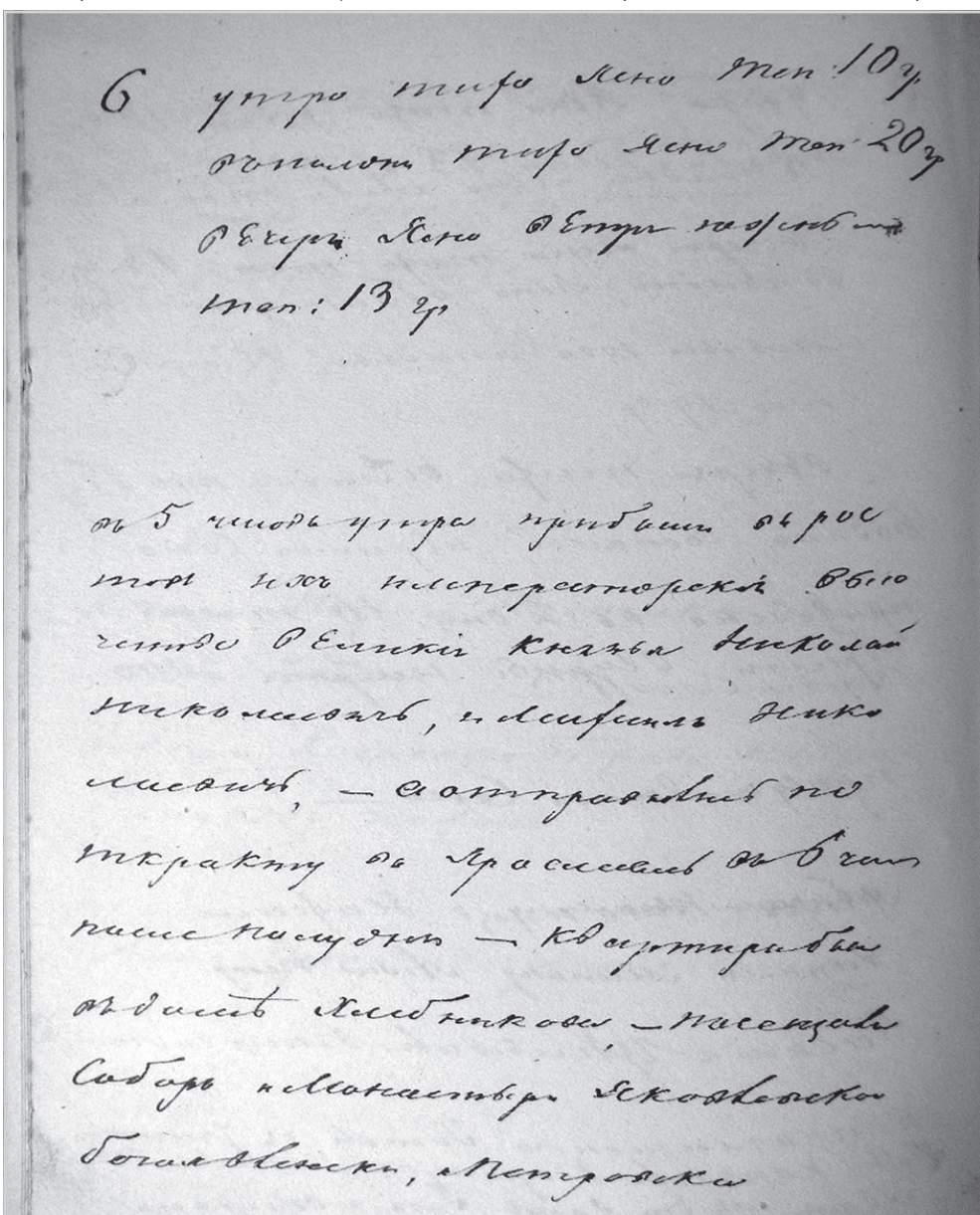
Писал Павлу Сам[соновичу] Наумову о журнале «Отечественные записки».

10 [декабря]. В 2 часа кончились выборы головы на 25 трехлетие. На место Плешанова избран И. Ф. Кекин — в головы, а Н. И. Морокуев — в кандидаты. Балатировали Пичугина и меня, но спасибо мешчанам, в них есть еще чувство справедливости, и потому Пичугина и меня забалтировали (т.е. не стали избирать на крайне хлопотную общественную должность не самого зажиточного и уже достаточно послужившего человека. — Д.Ч.).

14 [декабря]. Были выборы в магистрат и другое место; в бургомистры избраны Всеволод Мальгин и Ефрем Горшков, в ратманы — Африк[ан] Мальгин, Иван Шапов маленькой.

26 [декабря]. Был с визитом у Плешанова и Кекина, у двух голов, старова и нового.

29 [декабря]. Василий Попов выточил мне токарный станок, и взяли делать маслобойку.

Атрибуция музейного предмета

Рукопись

Валентина (Ляхоцкого)

в собрании музея

В коллекции рукописей Ростовского музея есть документ под названием «Молитва астронома».

Рукопись эта поступила, как сообщено в информационной системе КАМИС, из собрания одного из основателей музея, Андрея Александровича Титова.

В конце рукописи имеется указание: «Составлена эта молитва иеродиаконом Валентином в доказательство того, что утраченная вера в Бога может быть возвращена только астрономией. 11 февраля 1901 года. Г. Тифлис».

И ниже: «Источником служила "Праздничная Миния"».

Этот документ попался мне на глаза случайно. Занимаясь по долгу службы подготовкой материалов для публикации музейных предметов в социальных сетях, я обнаружила «Молитву астронома», которую и представила в интернете к Международному дню астрономии (15 мая).

Автором документа является, видимо, Валентин (Ляхоцкий). Публикуемый документ вполне соответствует нравственному и интеллектуальному облику этого священнослужителя, истории его жизни. Это был просвещенный и глубоко верующий человек. Обзор его творческой биографии сделала в 2016 г. В. Левская (Левская В. В. Коллекция документов иеромонаха Валентина (Ляхоцкого) из собрания музея «Ростовский кремль» // Сообщения Ростовского музея. Ростов, 2016. Вып. 21. С. 289–301).

Согласно исследованию В. В. Левской, в начале 1901 года в сане иеродиакона Валентин (Ляхоцкий) служил в церкви Тифлисской духовной семинарии. Позднее состоял в братии московских монастырей — сначала Заиконоспасского, потом — Новоспасского, настоятельствовал в ростовских монастырях — Петровском и Белогостицком. Самой известной из его опу-

Валентин (Ляхоцкий), 1901–1910 гг. Фотопортрет из собрания ГМЗРК

бликованных работ является книга «Преподобный Петр царевич и основанный им Ростовский Петровский монастырь» 1912 г.

В 1937 г. проходил по уголовному делу, возбужденному против архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого), был осужден на 10 лет лагерей. О конце его жизни сведений обнаружить не удалось.

Публикация с предположением авторства Валентина Ляхоцкого появилась на страницах Ростовского музея в соцсетях 15 мая 2021 г. Хранитель фонда архивных документов О. В. Букреева, основываясь на этой публикации, оперативно дополнила сведения о документе в музейной информационной системе КАМИС записью: «Л. Ю. Мельник, сотрудник Редакционно-издательского отдела музея, при публикации документа (в соц. сетях ВК, Одноклассники) сделала предположение об авторстве текста, приведя ссылку на публикацию и дату обращения: 16.05.2021.

Публикуем здесь текст рукописи и репродукции ее страниц.

Любовь Мельник

М[о]л[и]тва астронома

Документ представляет собой заполненный текст с лицевой и оборотной сторон одинарный лист нелинованной бумаги размером 32,5 x 22,5 см. Текст рукописный, выполнен черными чернилами, полууставом. Начало текста на лицевой стороне листа обозначено нанесенным красной краской инициалом.

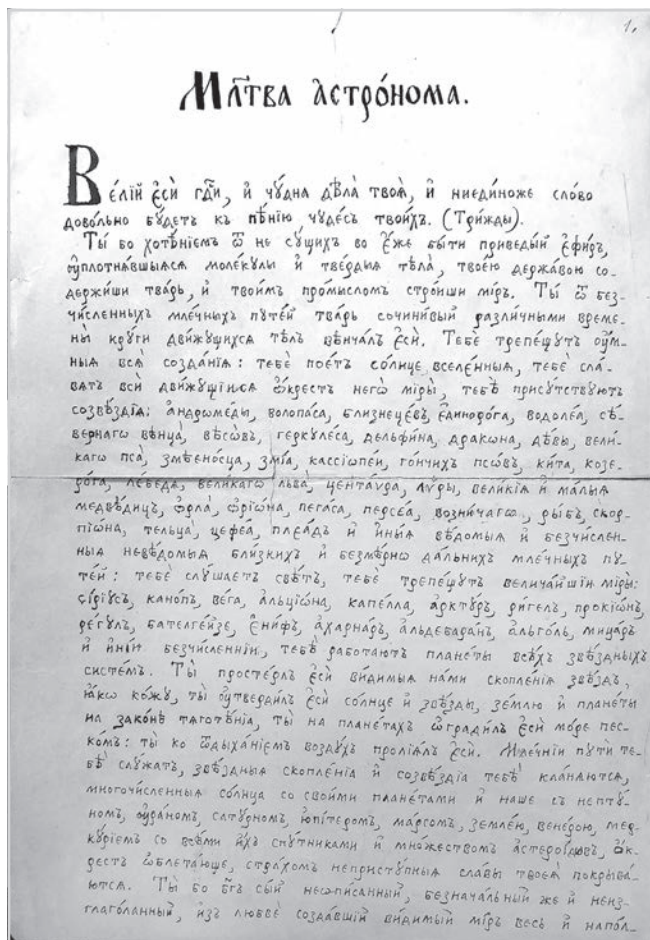
При публикации текст для удобства чтения разбит на абзацы. Вышедшие из употребления буквы заменены современными; твердый знак в конце слов опускается. В круглых скобках восстановлены сокращения, выносные буквы даны курсивом. Местонахождения ты, тебе, твой и т.п. как обращения к Богу, которое традиционно пишутся с прописной буквы, в соответствии с оригиналом даны со строчной буквы.

Велий еси Г[о]с[по]ди, и чудна дела твои, и неединоже слово довольно будет к пению чудес твоих. (Трижды).

Ты бо хотением Твоем не сущих во еже быти привелый ефир, оуплотнявшися молекулы и твердыя тела, твою державою содержиши тварь, и твоим промыслом строиши мир.

Ты от бесчисленных млечных путей тварь сочинивый различными временныя круги движущихся тел венчал еси.

Тебе трепещут оумныя вся создания: тебе поет солнце вселенные, тебе славят все движущияся окрест него миры, тебе присутствуют созвездия: Андромеды, Волопаса, Близнецов, Единорога, Водолея, Северного венца, Весов, Геркулеса, Дельфина, Дракона, Девы, Великого пса, Змееносца, Змия, Кассиопеи, Гончих псов, Кита, Козерога, Лебедя, Великого льва, Центавра, Лыры, Великия и Малыя медведицы, Орла, Ориона, Пегаса, Персея, Возничего, Рыб, Скорпиона, Тельца, Цефея, Плеяд и иныя ведомыя и бесчисленныя неведомыя близких и безмерно дальних Млечных путей: тебе слушает свет, тебе трепещут величайшия миры: Сириус, Каноп, Вега, Альциона, Капелла, Арктур, Ригел, Прокион, Регул, Бателгейзе, Ениф, Ахарнар, Альдебаран, Альголь, Мицар и инии бесчисленныя, тебе работают планеты всех звездных систем.

Ты простерл еси видимыя нами скопления звезд, яко кожу, ты оутвердил еси солнце и звезды, землю и планеты на законъ твотвения, ты на планетах оградил еси море песком: ты ко отдыханием воздух пролиал еси.

Млечнии пути тебе служат, звездныя скопления и созвездия тебе кланяются, многочисленныя солнца со своими планетами и наше с Нептуном, Оураном, Сатурном, Юпитером, Марсом, Землею, Венерою, Меркурием со всеми их спутниками и множеством астероидов, окрест облетающе, страхом неприступныя славы твоея покрываются.

Ты бо Б[о]г сый неописанный, безначальный же и неизглаголаный, из любви создавший видимый мир весь и напол(об.) нивший им все безконечное пространство жилище твое.

Исповедуем благодать, проповедуем м[и]л[о]сть, не таим бл[а]годаяния: естества нашего роды научил еси.

Вся тварь воспевае тя являшагося и вразумляющаго нас.

Мы же немощнейшыя твои создания, послужив чудес твоих, дабы достигнути высшаго бл[а]женства разумения, доступнаго нашему мышлению, и кланяющеса непытливо и в покорности и изумлении пред тем, еже сокрыл еси от нас завесою безконечности и времени и пространства, верою чистою во познание всего чести, хвалу и бл[а]годарение тебе возсылаем во веки веков, аминь.

Ниже черными же чернилами, скорописью, почерком, сходным с почерком В. Ляхоцкого в документах из уже названной музейной коллекции, сделана приписка:

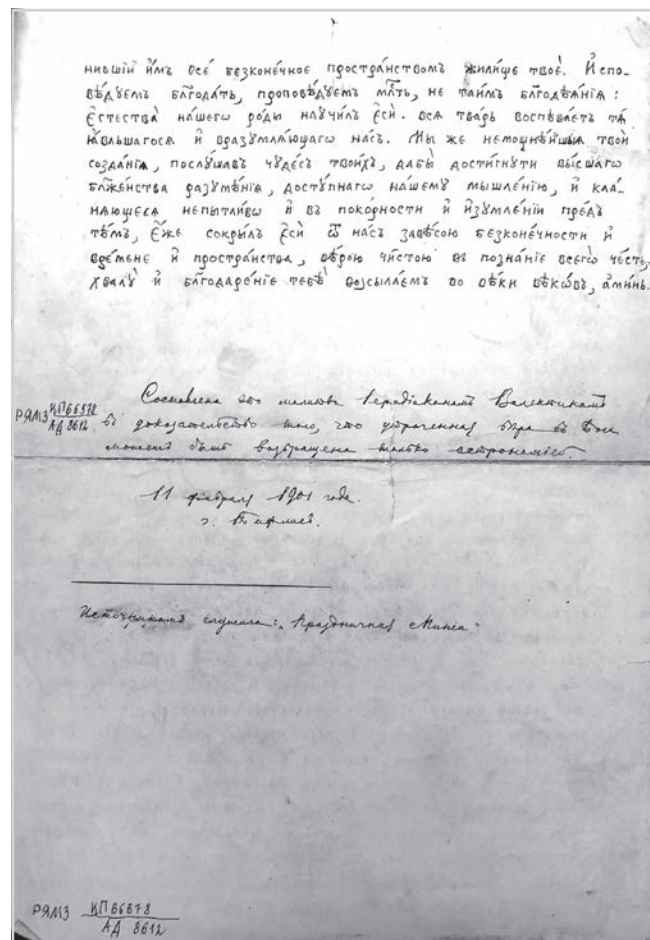
Составлена эта молитва иеродиаконом Валентином в доказательство того, что утраченная вера в Бога может быть возвращена только астрономией.

11 февраля 1901 года.

г. Тифлис.

Ниже, под горизонтальной чертой такой же скорописью и такими же чернилами сделано примечание:

Источником служила: «Праздничная Миния».

Сведения о Ростовском музее в Библиотеке Конгресса США

Открытая в 1800 г. в Вашингтоне Библиотека Конгресса была также и национальной библиотекой Америки, в начале XX в. оказавшейся одной из самых крупных в мире. Она содержала значительное собрание книг на многих языках, что позволяло читателям знакомиться с историей и культурой народов всего мира. Поэтому передача в эту библиотеку изданий и коллекций способствовала широчайшему распространению информации.

О таком статусе Библиотеки Конгресса было известно и членам Комиссии по административно-хозяйственному управлению Ростовским кремлем, в том числе и отцам-основателям Ростовского музея — Андрею Александровичу Титову и Ивану Александровичу Шлякову. Чтобы привлечь внимание к открытому в 1883 г. в Ростовском кремле музею, архитектурным памятникам кремля и конкретно к Ростову Великому, они в январе 1904 г. отправили на имя директора «Вашингтонской национальной библиотеки» «сведения» о комиссии и Ростовском музее церковных древностей.

О значении памятников Ростовского кремля в «сведениях» сообщалось: «Эти памятники ростовской старины, отличающиеся грандиозным

зодчеством и красотой русского стиля XVI и XVII век[ов], привлекают значительные массы туристов, как любителей старины, не только с дальних окраин необъятной России, но в последнее время замечается громадный прилив приезжающих в Ростов с целью осмотра древностей иностранцев из обоих полушарий света».

В тексте рассказывалось и о «замечательных по древности памятниках» — Ростовском Успенском соборе и его звоннице (колокольне), отличающейся в «архитектурном отношении своим грандиозным видом и красотой ее формы и подбором колоколов».

Благодаря размещению во многих заграничных путеводителях «обстоятельных» сведений о музее и архитектурных памятниках Ростова

Великого музей и реставрированный Ростовский кремль приобрели широкую известность. Это сказалось на увеличении «путешественников с научной целью» в музей, число которых в 1903 г. составило 23080 человек.

Туристы могли ежедневно бесплатно приходиться в Ростовский музей с 9 часов утра до 3 часов пополудни. Праздничные дни не являлись исключением. Однако для «беспрепятственного» осмотра нужно было получить разрешение у директора музея (хранителя) И.А. Шлякова или у сотрудника музея и старосты кремлевских церквей А.А. Титова, в обязанность которых входило «знакомство обозревателей» памятников с «историческим их происхождением».

По мнению составителей «све-

дений», местонахождение музея соответствовало тому значению, какое играли «исторические музеи и какое, в частности, занял Ростовский музей древностей, представляя в настоящее время богатейшую сокровищницу весьма ценных памятников русской старины и восстанавливая пред взором внимательного и вдумчивого обозревателя яркую картину былого величия Ростова Великого, его громадного церковно-исторического значения и вообще той роли, какую в прежние времена сыграл Ростов как столица бывшей Ростово-Суздальской области».

Экспозиции музея размещались в девяти комнатах, находившихся в Белой, Отдоточной, Ионинской палатах и в Княжых теремах. Вниманию посетителей были представлены «весьма богатые» и редкие собра-

ния старинных церковных сосудов, ковчегов, дароносиц, редкая по художественному исполнению коллекция резных деревянных царских врат, запрестольных крестов, а также знаменитая в иконографическом отношении коллекция древних икон, металлических крестов и других предметов церковного обихода, коллекции древнего оружия, царских жалованных грамот, древних рукописных актов, собрание старинных костюмов и гражданской утвари, дающих «обозревателю их наглядное знакомство с древнею культурою русской народной жизни».

Упомянули авторы «сообщений» и об открытой при музее в 1898 г. «школе изящных наук», официально именуемой «Ростовский класс рисования, иконописи, резьбы и позолоты по дереву». В школе обучалось 89 учеников, которым преподавались рисование, техническое черчение, живопись по финифти, графические науки, резное по дереву ремесло. Образцами для ученических работ

преимущественно служили «выдающиеся в художественном отношении памятники местного музея». Обуровне получаемого в этом учебном заведении образования свидетельствовали резные по дереву изделия, представленные на выставках — Всероссийской кустарно-промышленной (1902 г.) в Санкт-Петербурге и Сельскохозяйственной и кустарной «Северного края» (1903 г.) в Ярославле. Члены организационных комитетов выставок высоко оценили работы учащихся, «удостоив» школу серебряными медалями, в свидетельствах к которым отмечалось: «за распространение среди кустарей художественного образования».

Таким образом, отправив в Библиотеку Конгресса специально подготовленные «сведения» о Ростовском музее, памятниках архитектуры Ростовского кремля, сотрудники музея старались привлечь в Ростов Великий еще большее количество туристов со всего мира.

Константин Степанов

Когда было закончено строительство ростовской земляной крепости?

Ростовская земляная крепость была построена по проекту находившегося на русской службе голландца Яна Корнелиуса Роденбурга. Она имеет вполне надежно документированную датировку начала своего строительства — 10 июля 1632 г. Время же окончания возведения крепости до последнего времени не было столь же надежно определено. В литературе, посвященной крепости, в качестве такой датировки фигурировали 1632, 1633 и 1634 годы. Данная неопределенность частично порождена документом 1645 г. В его составе пересказаны показания иностранца Томаса Винса, данные им в 7150 (1641/42) г. Тогда Т. Винс утверждал, что «выехал де он из своей земли лет с восемь, и был в Ростове у городского дела...». Таким образом, сообщение Винса о времени пребывания его в Ростове имеет приблизительный характер. Он мог участвовать в строительстве крепости и в конце 1633 (после 31 августа), и в 1634 г. Но само время этого участия не определяет датировку окончания сооружения крепости.

Новый свет на указанную проблему проливает «Ростовский летописец». По наблюдениям опубликовавшего его А. П. Богданова, эта небольшая летопись была составлена ростовским жителем в 70-е и 80-е годы XVII в. Данный источник сообщает следующее:

«Во 140-м году в Ростове почали делать город земляной тремя городами: Ростовом, Кинешмою, Пошехоньем. А работников было пеших 1000 да конных 100. А землю на город возили телешками, на одном колесе деланы; а конные телеги были деланы на дву колесах, ящики на верьтлугах. А мастера были немцы, а делали 3 лет».

Большинство приведенных свидетельств подтверждается другими независимыми источниками. Крепость действительно строили жители упомянутых трех городов в количестве одной тысячи пеших и ста конных. Начало строительства — 140 г., что значит по летосчислению от сотворения мира 7140 (1632) г., как мы видели, также указано верно. Мастера, то есть руководители строительства, были иностранцами, а они большинством тогдашних русских назывались немцами. Именно так их обозначают соответствующие документы, составленные в процессе строительства крепости и вскоре после того. Правдоподобно описаны транспортные средства, применявшиеся в строительстве. Очевидно, под тележкой на одном колесе следует понимать тачку.

Все это заставляет с доверием принять версию «Ростовского летописца», что крепость сооружалась три года, то есть с 7140 по 7143 г. Следуя этому свидетельству А. П. Богданов отнес создание крепости к 1632–1635 годам. Возможно, так оно и было. Однако некоторые сомнения вызывает предложенная им дата окончания сооружения крепости — 1635 г. Дело в том, что 7143 г. по современному летосчислению начинался 1 сентября 1634 г. и заканчивался 31 августа 1635 г. Поэтому крепость могла быть завершена или в последние три месяца 1634 г., или в первые девять месяцев 1635 г.

Итак, на современном уровне знаний датировка крепости выглядит следующим образом — 1632–1634/35 годы.

Александр Мельник

На фото: План центра Ростова с крепостью и озерной набережной начала XIX в. (собрание ГМЗРК)

Фотонегативы «Петровская экономия А. А. Титова» в собрании музея

Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль» (ГМЗРК) располагает обширной коллекцией фотонегативов — свыше 60 тысяч единиц. Фонд состоит, главным образом, из негативов на гибкой полимерной фотопленке второй половины XX века. Почти 1,5 тысячи единиц из общего количества — стеклянные фотопластины с нанесенной на них светочувствительной эмульсией. Они создавались в период с конца XIX в. до конца 1930-х годов.

Коллекция негативов на стеклянных носителях поступила в музей в 1920–1930-е гг., о чем свидетельствуют записи в Книгах поступлений тех лет. Предметам были присвоены соответствующие учетные обозначения (номера КП и инвентарные). Номера наносили тушью непосредственно на стеклянную основу, а также при помощи небольших бумажных наклеек. В Книгах поступлений 1920–1930-х гг. указан источник поступления фотопластин, их количество, автор (не всегда) и тема съемки. Таким образом, на хранение негативы принимались не поштучно, а группами, в соответствии с тематикой.

В современной учетной документации информация о части негативов (898 единиц), ранее принятых на хранение, отсутствовала. По неизвестным причинам они не были занесены в Книги поступлений, которые музей стал вести с 1960-х гг. В настоящее время они включены в музейное собрание. Для части негативов с проставленными старыми номерами нам удалось установить авторство и содержание.

Наиболее ранним по времени является комплект негативов «Постройки Петровской экономии А. А. Титова», насчитывающий 9 фотопластин. Созданные в 1890-е гг., они

поступили в музей в 1925 г. из собрания А. А. Титова. В совокупности поступление состояло из 65 негативов, «изображающих постройки и сельскохозяйственные орудия в имении Петровское, Ростовского уезда, иконы, собрание А. А. Титова и церкви Ростовского уезда». Выявить остальную часть поступления пока не удалось.

Экономией до 1917 г. называли крупное помещичье хозяйство, которое велось с применением наемного труда и сельскохозяйственных машин. Сельцо Петровское, находившееся в 1,5 верстах от с. Введенского Ивановского на Лехте волости Ростовского уезда (ныне поселок Красный Октябрь Борисоглебского района), было куплено А. А. Титовым в 1893 г. у С. Н. Хомутовой. Приобретая имение в 1893 г. в довольно запущенном состоянии, владелец с 1895 г. начал менять весь строй хозяйства и приспособлять его к «более соответствующим естественным и экономическим условиям местности».

Имение было достаточно эффективным, поэтому его описание вошло во второе издание «Кратких справочных сведений о некоторых русских хозяйствах» (1902 г.). Ростовский уезд представлен в этой обобщающей работе всего двумя хозяйствами.

В 1900 г. в свет вышло первое издание «Описания Петровской экономии» — с рисунками, чертежами и фотографиями (Описание Петровской экономии А. А. Титова Ростовского у., Ярославской губ. М., 1900). Фотофиксация хозяйства, очевидно, производилась в связи с подготовкой этого издания. Хранящиеся в музее изображения являются исходным материалом для использованных

в публикации фотографий.

В «Описании» опубликованы 3 фотографии, отпечатанные со стеклянных негативов, выявленных при работе с коллекцией ГМЗРК: «Вид Петровского с восточной стороны», «Вид Петровского с южной стороны», «Скотный двор в сельце Петровском». В издании также использована фотография риги и молотильного сарая, печатанная с неизвестного нам носителя. Из «Описания» мы узнаем, что молочная, представленная на фото среди других хозяйственных построек, была возведена в 1895 г., скотный двор — в 1896 г., молотильный сарай и амбар — «в последние 5 лет» (т. е. в 1895–1900 гг.). Таким образом, выявленные негативы изготовлены между 1895 и 1900 г. (в современной базе данных музея для этих негативов указана дата «1896 г.»).

Помимо указанных носителей, в собрании музея имеются и другие снимки, сделанные в образцовом имении: «Молотильный сарай», «Хозяйственная постройка», «Корова» и «Бычок» и «Вид Петровской экономии А. А. Титова». Кроме того, в фонде «Фотоматериалы» хранятся 3 фотографии хозяйственных построек экономии, датированных, как следует из надписей на их оборотах, сентябрем 1900 г. Печатались фотографии с неизвестных нам пока негативов.

Позитивные изменения, которые происходили в имении купца А. А. Титова, были зафиксированы его сыном Александром. Как выясняется, его увлечение фотографированием началось как раз в Петровском имении, где он часто гостил еще гимназистом. Об этих обстоятельствах являются исходным материалом для использованных

Ил. 2. Вид сельца Петровского с южной стороны

Ил. 3. Корова

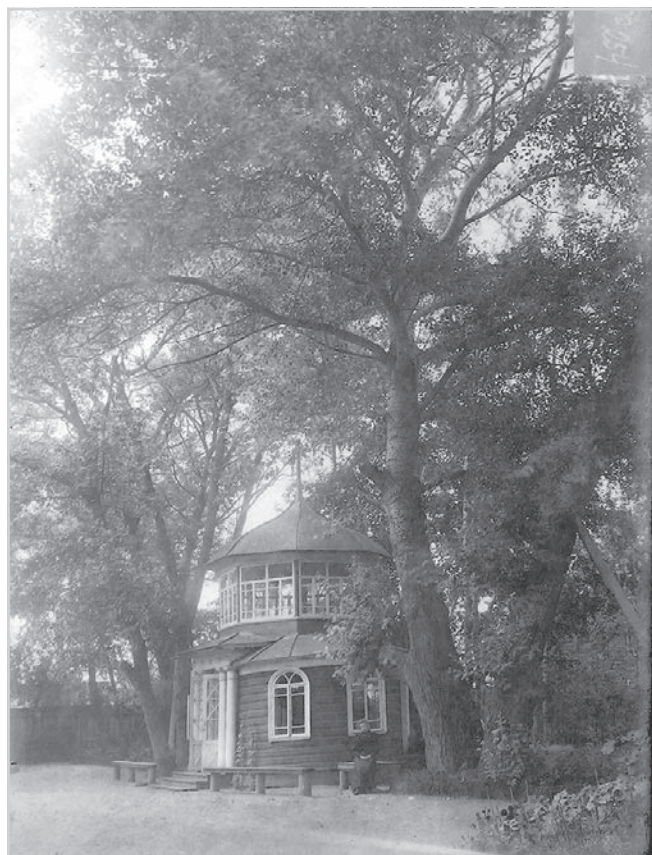
1961), впоследствии видного ученого-химика, политического деятеля и эмигранта, сообщает Я. Е. Смирнов (Смирнов Я. Е. С Покровки на Покровку. Глава из биографической книги об Александре Андреевиче Титове // Сообщения Ростовского музея. Ростов, 2019. Вып. 24. С. 299–300). Историк также указывает, что оригинал фотографии скотного двора, опубликованной в «Описании Петровской экономии...», хранится в фонде купца А. А. Титова в Государственном архиве Ярославской области. На обороте снимка рукой Александра Титова была сделана

надпись: «Скотный двор. Снято 25-го июля 96».

В фонде «Фотоматериалы» Ростовского музея хранится фотография младшей сестры Александра Титова Александры (Али), сделанная в Петровском в 1890-е гг., по всей видимости, также Ал. Андр. Титовым.

Исследование негативов из музейного собрания и ввод их в научный оборот — важная научная задача, так как они являются одним из ведущих исторических источников для изучения Ростова и уезда конца XIX — первой трети XX века.

Елена Леонова

Ил. 1. Вид дома в сельце Петровском

О пароходном сообщении на озере Неро

До 1917 г. Ростову озеро Неро не принадлежало. В 1709 г. указом Петра I все права на ловлю рыбы, а также право лодочного перевоза в реках и озере были переданы селу Угодичи. На перевоз грузов и людей имели исключительное право угодичские крестьяне. За плату они доставляли пассажиров с одного берега на другой на больших гребных и парусных лодках — «соминах».

Пароходное движение по озеру открылось 23 апреля 1883 г. На воду было спущено весьма крупное колесное судно, доставленное в Ростов по частям и здесь собранное. Владельцем первого парохода был рыбинский купец Емельянов, который за право перевоза платил крестьянам Угодичи определенную сумму. В некоторых публикациях этот пароход назывался «Емельян».

Краевед Николай Абрамович Тивилин писал, что в конце XIX в. житель Угодич Михаил Николаевич Фафулин, торговец, заимел на озере Неро деревянный буксирный пароход под названием «Николай I» (ил. 1, 2) с тихоходной паровой машиной. С открытием навигации и до ледостава пароход перевозил людей и то-

вары — подводы с грузом и порожняка. Для перевоза лошадей было два паромы, на которые устанавливались до 40 подвод на каждый паром. Кроме паромов имелось до 10 барок грузоподъемностью по 300 пудов каждая, главным образом перевозивших грузы для торговцев села Угодичи и особенно для А. А. Макаричева. В навигации на берегах у Угодичи и Ростова ставились на сваях пристани, которые на зиму разбирали и вытаскивали на берег.

Переправа по озеру работала с полной нагрузкой, особенно осенью, когда из ростовских сел перевозилось очень много сельскохозяйственной и промышленной продукции.

Пароход курсировал в базарные дни, которыми в Ро-

стове были вторник, четверг и суббота. В день пароход делал по 4 рейса. 1-й рейс — в 4 часа утра; 2-й — в 7 часов утра; 3-й — в 1 час дня и 4-й — в 5 часов вечера. Из Ростова 1-й рейс был в 5 часов утра; 2-й — в 11 часов дня; 3-й — в 3 часа дня и 4-й — в 7 часов вечера. В базарные дни утреннего рейса в 4 часа утра не было. Остальные же шли по тому же расписанию. Обслуживающий пароход персонал был из Угодич, и в ночь пароход стоял у пристани села.

Пароход «Николай I» был тихоходным и расстояние в 5 км по озеру в тихую погоду, с двумя груженными паромы, преодолевал более чем за 1 час, а при встречном ветре — за 1,5 часа.

В реку Гду, ныне — Сара,

жители села Поречья-Рыбного пароход не пускали, чтобы не беспокоить рыбу. Однажды во время визита начальника губернии в Поречье в начале 1890-х гг. пароход лишь подошел к устью Гды, а далее поречане повезли высокого гостя на большой лодке, покрытой коврами.

Кроме буксирного колесного парохода был еще маленький винтовой пароход с железным корпусом, вместимостью 30–35 пассажиров. Принадлежал он купцу Сажину. Стоял он без дела у пристани в Угодичах, и использовали его тогда, когда старый деревянный буксирный пароход вставал на ремонт. А это было нередко. В 1912 г. маленький пароход по весеннему половодью своим ходом был пере-

правлен в Ярославль. В навигацию 1912 г. житель села Воржи торговец Трунов сделал новый буксирный пароход с железным корпусом. Пароход строился на ростовском берегу, у пристани, в течение всей зимы 1911–1912 гг. Название он имел «Ростов Великий», был более быстроходным, и с грузом в два паромы проходил по озеру от Угодич до Ростова за 40 минут.

Старый пароход, паромы и баржи бывшим пароходчиком Фафуриным были сломаны на дрова и распроданы разным лицам.

В послереволюционные годы пароход «Ростов Великий» назвали соответствующе: «Заря свободы». В 1934 г. в честь XVII съезда партии («съезд победителей») переименовали в «Ударник».

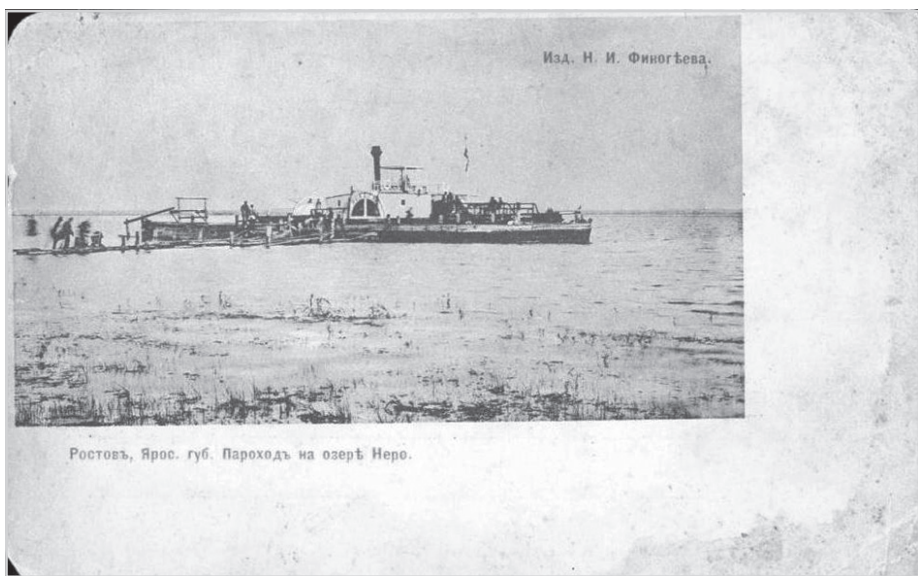
В советский период был у парохода еще один маршрут. По реке Саре шел сплав леса. Недалеко от устья его стягивали в большие «кошели», а затем «Ударник» тянул их к Ростову.

Горожане могли запасти дрова.

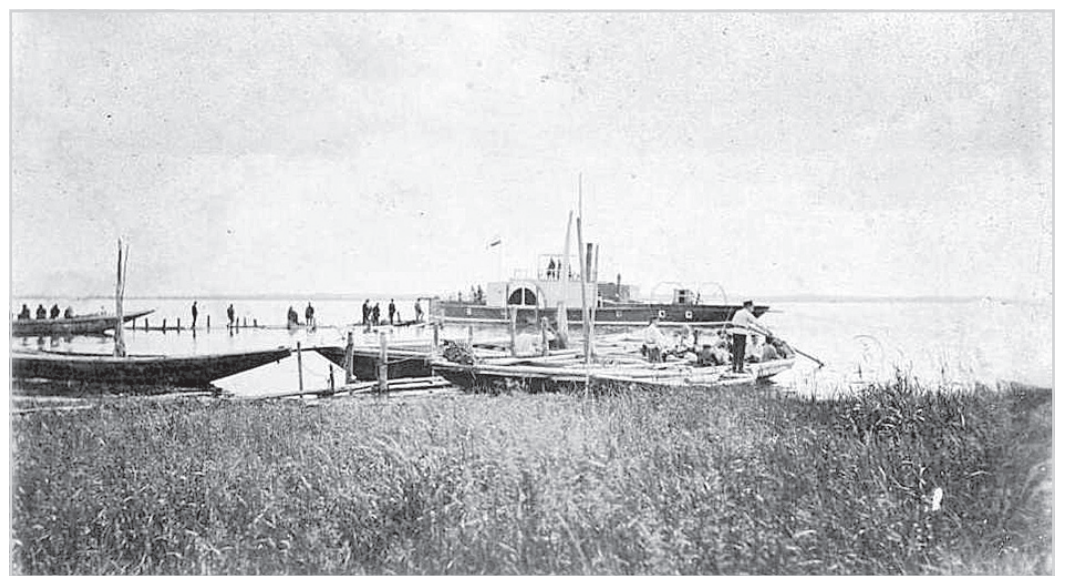
Судьба парохода печальна. В послевоенные годы существовала такая организация — управление малых рек Ярославской области (в частности, она занималась плотинами, которых тогда было множество, паромными и другими переправами), — отмечает в своей статье Виктор Храпченков («120-летие ростовского пароходства», газета «Северный край», 24.10.2003). В 1958 г. это управление модернизировало «Ударник», переведя его с дров на уголь. Но дельного руководителя сменил бывший партийный работник. Проводилась очередная кампания по сбору металлолома. И он отличился на всю область, сдав в утиль целый пароход.

С 2004 г. по озеру Неро стал ходить прогулочный теплоход типа «Заря» (серийное судно проекта Р-83, двигатель ЯМЗ-238НД мощностью 300 л.с.). 1 июня 2012 г. теплоход сгорел при пожаре.

Александр Морозов

Ил. 1. Ростов, Ярос. губ. Пароход на озере Неро. Почтовая открытка. 1900–1904 гг.

Ил. 2. Первый пароход на озере Неро «Николай I». Фотография. Конец XIX — 1-я четверть XX в.

Ростовский драматический театр в 1941–1942 годах

В культурной жизни довоенного Ростова важное место занимал драматический театр. В Ростовском филиале Государственного архива Ярославской области хранится комплекс документов за 1941–1942 гг. (Ф. Р-81. Оп. 1. Д. 57, 63, 65, 73, 74, 76, 77). Штатное расписание, планы работы, отчеты, справки о фонде зарплаты, книга приказов за 1942 г. дают возможность охарактеризовать работу театра накануне и в первые годы Великой Отечественной войны.

Перед войной в театре работали 62 человека, в том числе 19 артистов драмы. В феврале, марте, апреле и мае 1941 г. труппа представила спектакли «На бойком месте» (А. Н. Островский), «Сентиментальный вальс» (автор не указан), «Падь Серебряная» (Н. Ф. Погодин), «Земля» (автор не указан), «Горькая судьбина» (А. Ф. Писемский), «Сестры Федоровы» (И. Назаров и М. Хардин), «Коварство и любовь» (Ф. Шиллер) и др. Актеры выступали как в Ростове, так и в окрестных населенных пунктах (Гаврилов Ям, Борисоглеб, Петровск, Итларь, Поречье, Угодичи). Проводились спектакли в организациях и на предприятиях — на фабрике «Рольма», на термозаводе, на станции Ростов, на торфозаводе, в клубах Ленина и Горького. Кроме того, на базе здания по ул. К. Маркса (на фото) выступали приезжие артисты цирка и филармонии, в течение апреля проходили гастроли «ярославского театра».

С началом войны многие сотрудники театра были призваны в армию; летом 1941 г. Комитет по делам искусств при СНК СССР утвердил «Временное положение о театральных и музыкальных хозрасчетных коллективах», на основании которого из состава ростовского театра был вы-

делен «Ростовский колхозно-совхозный драматический коллектив», который должен был работать на основе «самокупаемости». В декабре 1941 г. коллектив состоял из 14 человек: директор, бухгалтер, администратор, зав. музыкальной частью, 7 актеров, реквизитор, машинист сцены, костюмер. До конца 1941 г. драмколлектив показал 24 спектакля, в том числе новые постановки — «Сын народа» (Ю. П. Герман), «Кто смеется последним» (К. К. Крапива), «Каширская старина» (Д. В. Аверкиев).

9 января 1942 г. директором коллектива был назначен Вячеслав Васильевич Крылов-Корман. Первоочередной его задачей стало привлечение квалифицированных кадров. В штат были зачислены актер С. А. Ульяновский, актрисы А. М. Титова, Н. К. Буц, парикмахер А. М. Нуль. В апреле коллектив пополнился артистами из Ленинграда (режиссер Л. П. Юренин, актеры И. Ф. Бабушкин, Э. Ф. Симан, Е. П. Евгеньева, Е. И. Тищенко, З. А. Квятковская, Н. К. Кузьмина, костюмер Н. С. Хроновская). Второй задачей директора стало укрепление трудовой дисциплины. 8 марта 1942 г. за повторное опоздание на работу (на 30 минут) к судебной ответственности была привлечена контролер

А. В. Егорова. Строгий выговор с предупреждением был вынесен в адрес кинемеханика А. А. Ушаковой («за невыполнение распоряжений моего заместителя и грубость при исполнении служебных обязанностей»). Артисты Евгеньева, Симан, Кузьмина и Второв опаздывали на репетиции, за что директор Крылов «поставил» им «на вид». 18–19 июля 1942 г. во время выездного спектакля в с. Угодичи зам. директора С. А. Троицкий появился на работе в нетрезвом виде; в состоянии опьянения вышли на сцену артисты В. Н. Шипков и А. Ф. Соколов, причем последний устроил «драку, дебош и хулиганство», за что был снят с работы и привлечен к уголовной ответственности.

В непростых условиях войны коллектив продолжал выступать. В январе 1942 г. было дано 15 спектаклей, их посетили 4773 человека. 5 раз труппа играла спектакль «Не всё коту масленица», 6 раз — «Позднюю любовь» (А. Н. Островского). Были представлены спектакли «малых форм» современных авторов «Доктор Ганс», «Рыбачка с побережья» (Л. Д. Левин), «Чертово болото» (В. Квасницкий), «На старой даче» (Я. Ялунер), а также пьеса «Наши дни» (Герасимов). За февраль было дано 16 спектаклей

(«Поздняя любовь», «Не всё коту масленица», «Наши дни», «Семья Волковых»), на которых побывали 8022 зрителя. Не менее напряженными были март, апрель и май; труппа под руководством Л. П. Юренина подготовила спектакль «Последние» (А. М. Горький): его смогли посмотреть 1294 человека.

В июне месяце 1942 г. Ростовский хозрасчетный колхозно-совхозный драматический коллектив, состоявший уже из 30 человек, основной упор сделал на выездные выступления. Труппа драмтеатра 4 июня выступала перед работниками Савинского торфопредприятия, с 5 по 9 июня гастролировала в Поречье-Рыбном, Угодичах, Гаврилов-Яме. На базе здания театра в Ростове, параллельно с работой местной труппы, проходили Ленинградского гостеатра оперетты, 12 и 13 июня выступал оркестр Эстонской ССР. Почти ежедневно зрительный зал использовался в качестве кинотеатра. Так, в мае были продемонстрированы фильмы «Пятый океан», «Будем как Ленин», «Дубровский», «Гибель Орла», «Фронтные подруги», «Весенний поток», «Боксеры», «Семеро смелых», «Волшебное зерно». Наиболее популярным был кинофильм «Фронтные подруги», его посетили 818

человек. Наименее популярным был фильм «Будем как Ленин»: его посетили лишь 112 человек.

28 июня 1942 г. директор театрального коллектива издал приказ, согласно которому с 3 июля 1942 г. «театр реперформировывался в три художественные бригады и переключается на работу по художественному обслуживанию оборочной кампании». 1-я бригада должна была посетить Ростовский район, Гаврилов-Ям и его район. 2-я бригада посещала Пречистое, Данилов, Любим, Буй и их районы. 3-я, эстрадная бригада, провела гастроль по Борисоглебскому и Ростовскому районам. В поездке актеры готовили новый спектакль «Парень из нашего города» по произведению К. Симонова. В здании на ул. К. Маркса проходили выступления известных

артистов. Так, 23 сентября 1942 г. прошел концерт солиста Большого театра — Дмитрия Головина и Тамары Коптевой.

Открытие театрального сезона 1942/43 г. в Ростове не произошло: по приказу начальника управления по делам искусств при СНК РСФСР коллектив «полным составом» должен был выехать в г. Елец для «выполнения специального задания по обслуживанию войсковых частей фронта».

Отъезд состоялся 24 октября; здание театра продолжало служить кинотеатром и базой для гастролей других театральных коллективов. Лишь 12 июня 1944 г. Ярославский облисполком вынес решение об утверждении устава ростовского театра, что означало возобновление его деятельности.

Дмитрий Леонов

Печные изразцы Митрополичьих хором

Крыши Ростовского кремля украшают многочисленные дымоходы — дымоходные трубы. Однако сами печи не сохранились. Часть помещений в период со второй половины XVII в. по вторую половину XX в. отапливалась дровами, многие не отапливались вообще.

Поддержание тепла было актуальной задачей функционирования Митрополичьего двора. Обширная территория к востоку от Митрополичьего сада была отведена под дровяной двор. В описи Архиерейского дома 1763 г. указаны имена четырех истопников, в обязанности которых, судя по названию их должности, входила истопка печей.

Новые данные об устройстве печей Архиерейского дома получены в ходе исследований, которые проводятся археологическим отделом музея в здании Митрополичьих хором (Самуилова корпуса). Перед началом работ архитектор С. А. Гиршевич, осуществляющий авторский надзор за

ведением реставрационных работ на объекте, обратил наше внимание на вероятность обнаружения остатков печи в северо-западном угловом помещении подклета. Здесь в юго-восточном углу в стене сохранилась ниша и отверстие дымохода, покрытое копотью. В ходе археологических работ было обнаружено основание печи — оно сложено из фрагментов (чаще всего половинок) кирпичей с использованием глины в качестве связующего материала. Размеры конструкции в плане — 1,5 x 2,1 м. Основание вытянуто вдоль восточной стены. При расчистке кладки были найдены четыре фрагмента изразцов с рельефной лицевой пластиной,

поверхность которой покрыта поливой — желтой, синей, зеленой. Датировка изразцов уточняется. Они, видимо, относятся к концу XVII в. (ил. 1–2).

Еще два крупных фрагмента обнаружены в соседнем помещении в яме, заполненной строительным мусором (ил. 3–4). Примечательно, что в этой же яме найдено большое количество фрагментов слюдяных оконных пластин, что указывает на примерную датировку образования ямы. Такое количество слюды могло быть утилизировано только в процессе замены слюдяных оконниц на остекленные деревянные рамы. Рассматриваемые изразцы тоже украшены разноцветной

поливой, но она сохранилась плохо. Они, видимо, пострадали в пожаре. Этим изразцам найдены аналогии в собрании Новгородского музея-заповедника. Они происходят из Хутынского монастыря и датированы последней четвертью XVII в.

Очевидно, что обнаруженные нами изразцы относятся к двум разным печным наборам, так как отличаются друг от друга по стилю. Находки печных изразцов позволяют представить, как были украшены печи Митрополичьего дома во второй половине XVII в. Отметим, что подобные печи в то время могли иметь только очень состоятельные люди.

Алексей Каретников

Ил. 1

Ил. 2

Ил. 3

Ил. 4

Святочные традиции ростовских крестьян

Святки — главный народный зимний праздник. Он начинался в рождественский сочельник (6 января — 24 декабря ст. ст.) и заканчивался в крещенский сочельник (18 января — 5 января ст. ст.). В ходе полевых исследований в населенных пунктах Борисоглебского и Ростовского районов Ярославской области, ранее входивших в Ростовский уезд Ярославской губернии, нами были записаны воспоминания о праздновании Святков.

Интересно, что действия, традиционно связывавшиеся со Святками, не назывались «святочными», а соотносились с основными народными и церковными праздниками данного периода: Рождеством, старым Новым годом и Крещением.

Источники содержат единственное сообщение об обряде «славения Христа», который совершался в Рождество: «Я славить ходил: "Рождество твое, о Христе Божие наш, возсия... мировоздравица с неба святой яхуся Девы Христе Спаситель". Вот так и: "Слава тебе, Господи". Лядишь, дадут копечку тебе». В данном случае был приведен искаженный текст Тропаря (глас четвертый), читавшегося в Рождество Христово.

Кроме того, рассказывали, что в Святки по селениям ходили колядовщики («колядой ходили»), которые посещали дома односельчан и исполняли поздравительные песни.

Неотъемлемой частью святочной обрядности выступало ряженье, участники которого («ряженые») обходили дома и получали от хозяев подарки (деньги, угощение): «Кто во что горазд [рядился]: кто в Бабу-Ягу, кто в Кашея Бес-

смертного наряжтятся, кто в черта — сажей намажтятся, кто еще чем, и не узнаешь». «Сюда [между ног] морковину привяжут, тут нос покрасят, что-нибудь прилепят».

Многочисленные воспоминания посвящены теме святочных бесчинств: «Трубы закрывали, и дым весь домой. Потом стекла обмазывали, припирали двери, поленицу разваливали». «Снегом закидывают калитку, чтоб не выйти, еще заморозят ее». «Все крыльцы увалят сажей». «А вот здесь дедушка жил... он молоко возил на санях, так мы ему сани разобрали и на столб повесили». «А сани девчонки увозили, с горюшки скатят туда. Скатятся туды сани, так и бросят». «А то стучат в дверь. Спрашивают: "Кто?". А они голос изменят и что-нибудь пугают или пишат, кукарекают».

Бытовал обычай «просыпания дорожек» между домами: «Тропы просыпали золой, а то — соломой». «Если не было золы, брали веники старые, потом этими палочками покажут, кто с кем дружит, гуляют, встречаются». «А то взрослых замечали: какой-то дядя ходит к какой-то тете, и тут тропу [проводили]. На чистую воду выводили».

Был распространен обычай бросания в окна домов закваски для теста или кутьи: «Из квашни мы брали закваску кружку. И вот невесте должны мы облить окна этой закваской. [Зачем?] А это чтоб все знали, что в этом доме невеста». «На Крещенье кидали, вот кидали кутью-ту. [В окно?] В стекла, да, кидали. [А для чего?] А чтобы семья велася. Там, где жених или невеста. Вот уж этим всегда накидывали, что пора замуж выходить». «Брачная» направленность данного обычая связана, очевидно, с символикой использованных здесь продуктов. Закваска — остатки старого теста или дрожжи, которые смешивались с новоприготовленным тестом для усиления его брожения. Кутья — каша, приготовленная из риса, ячменя или пшеницы с добавлением яблок, меда, сахара, которая употреблялась на поминках или в рождественский сочельник.

Одним из основных элементов святочной обрядности выступали гадания. Для совершения гаданий выбирались «традиционные» места обитания «нечистой силы»: риги, бани, перекрестки.

Чаще всего гадающие

объясняли приметы, ориентируясь на различные виды ощущений (осознание, слух, зрительное восприятие): «...Вот мне мама рассказывала. Скажет, пойдём в ригу... как там отворяешь двери, там за лицо схватят рукой черной, говорят, богатый жених будет. А уж бедный, не знаю, наверное, чистой [рукой]». «Девчонки на все способные были, поднимают задницу в окошко, а там рукавицей [погладит] — за богатого [выйдешь], если голой рукой поддадут, то это, говорят, бедный, это пьяница будет». «Мы срывали ртом у березы почечку и несли, и к каждому дому подходили, и кто скажет какое имя, тот будет твой нареченный». «Нищие ходили раньше. Раньше стучится ко мне... Я говорю: "Как звать-то?". [Нищий отвечает:] "Лёксандро". И муж у меня был Лёксандро». «Бумажки жгли и на стену свести. Один раз даже ей типа машины вышло: она должна была на машине работать».

Отдельно выделяются гадания, участники которых определяли будущее по направлению брошенных вещей. «Кружились, потом сапог кидали куда, крутишься, крутишься, сапог размотаешь, ку-

да он улетит, в какую сторону, туда замуж выйдешь». «Кидали валенок на перекрестке, с ноги валенок кидали... куда нос [валенка] покажет, туда замуж». «На перекресток ходили. Вот, там тоже кидали, корзины кидали. Глаза завяжут, крутонут. Куда бросишь, туда, значит, замуж выйдешь». «Через колодес, был колодес большущий, и валенец с ноги чтобы перекинуть через колодец. Я вот и перекинула в колодес, валенец-то у меня в колодес и упал». В проведении данного вида гаданий сочетались случайность, нарушение пространственной ориентации, соотвествующая сакральная локализация (перекресток, колодец).

Следующий тип гадания основан на счете: «А ворота обхватывали — сколько обхватишь колышек... Вот если парно, то, значит, у меня будет ухажор, а если не парно, то нет». «И голяки (веники из ветвей без листьев. — А.К.) собирали по деревням. Сколько голяков наберем, столько и свадеб будет. И бороны таскали. А сколько зубов [у бороны] сломаются, значит, столько свадеб будет».

Широко были распространены гадания с курицей или петухом: «Гадали девчонки, ржи накладем и кольцо положим. Если кольцо выкинет курица, ночью, в двенадцать

часов ночи-то, — значит, замуж выйдешь». «У одной муж хозяйственный: он [петух] клюет-клюет, и это, попьет немножко водички, и все... Точно такой мужик был, мало что клюет, напьется, и вот так перед зеркалом: "Ко-ко-ко-ко". И точно, Алексей такой... выпить любил, баб любил, пил и любил перед зеркалом вертеться».

Интересными по проведению являлись гадания «на сон», цель которых — узнать имя или увидеть лицо «суженого», определить будущую жизнь: «На старый Новый год перед сном клали под подушку новый лоскуток ткани и говорили: "Новый лоскут — Новый год, покажи мне жизнь вперед"». «На Крещенье бадьи под замок запирали, а ключ под подушку. Говорили: "Суженый, ряженый, приходи коня поить". Вот там чья рожка покажется, вот этот твой суженый. То материал новый [под подушку] ночью, чтобы что-нибудь приснилось новая».

Подводя итоги, отметим, что в настоящее время продолжают бытовать воспоминания о праздновании Святков — явление, чаще всего относящееся к первой половине — середине XX в. Святки представляли собой структурированное действие, включавшее обряды, которые имели, главным образом, эротическую и брачно-свадебную символику.

Алексей Киселев